
Край мой мятежный.
Край мой крамольный...
Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит.
Край мой далёкий от Первопрестольной.
Горем завейся — Москва не услышит.

Горем завейся, ветром укройся,
Песней утешься, а я буду рядом...
Ойся ты, ойся! Столицы не бойся,
Край мой крамольный, оно тебе надо?

Царь ли, царевич? Король, королевич?
В баньке уважь их — да в печь на лопату.
Кроток в молитве и страшен ты в гневе,
Край мой, кровавым рассветом объятый.

Что приуныл, опечаленный в стельку?
Что пригорюнился, счастья не чая?
Где ж он — твой царь самозванный Емелька?
Чай, ты слуЧАем по нём не скучаешь?

Тёплым платком оренбургским закутай
Зябкую степь, что от ветра продрогла...
Вспомни свою залихватскую удаль
И выходи на большую дорогу.

Соратник, друг, товарищ, враг
Парадоксально рады встрече.
Наш поэтический сходняк —
Содружество противоречий.

Хоть назовут потомки «съезд»
Товарищей заклётых стаю,
Здесь никого никто не съест:
Поэт поэта понимает.

Грустим, хохочем, пьём вино,
Витийствуем, исходим желчью...
Мы все равны. Нам всё равно —
Хотим утешиться, да нечем!

Не каждый тут друг другу мил,
Но держим небо, как атланты:
Посильно каждый — в меру сил
И в силу своего таланта.

И в том, кто сердцем изнемог,
И в том, кто пребывает в вере,
Одновременно, видит Бог,
Живут и Моцарт, и Сальери.

Всю жизнь рифмуя розы и морозы,
Всю жизнь воюя с собственной судьбой,
Я не унижусь до презренной прозы,
А значит, не унижусь пред тобой.

Перед тобой, дарившим вдохновенье.
Перед тобой, ушедшим в злую мглу.
Перед тобой, мой непутёвый гений,
Хвалу воспринимавший как хулу.

Любовь и кровь пожизненно миксуя
И раскрыляясь на сквозных ветрах,
Господне Имя не тревожа всеу,
О сокровенном как сказать в словах?..

Буксуя на житейских бездорожьях
И матом кроя брENNую тщету,
Назло всем тем, кто жизнь мою итожит,
Остаться поэтессой предпочту.

РАЗГОВОР С ПСИХИАТРОМ О РАЕ

*...И смотрят последние астры в саду
На то, как топиться хожу я к пруду...
Диана Кан (из раннего)*

Хотела утопиться в тихом омуте
Без лишних элегических затей...
Но психиатр сказал с улыбкой: «Полноте!
Да пожалейте ж бедненьких чертей!

Ни перед кем ни в чём не виноватые,
Без потрясений и душевных ран,
Они живут не клятые, не мятые,
А тут — бултых-пардон — Диана Кан!..»

Сказала психиатру: «Пыл умерьте-ка!
Я не за это деньги вам плачу.
Ведь не к лицу подобная патетика,
Любезный, ни врачу, ни палачу!

Чертям для драйва я необходимая:
Мысль утопиться — это неспроста.
Умеют же устроиться, родимые, —
В раю позанимали все места...»

Он вёл их молча по былинным,
 По диким муромским лесам —
 Иуд, что верили наивно
 В то, что и он иуда сам.

Вёл, обходя в пути святыни,
 Не тратя понапрасну слов,
 Духовно-ядерной твердыни,
 Что называется Саров.

Он вёл их, Китеж огибая
 И светлый болдинский приют...
 Знать, на Руси судьба такая,
 Что первыми героев бьют.

В пути не раз им повстречался
 Шальной разбойник-соловей.
 Вослед ведомым так смеялся,
 Что листья сыпались с ветвей.

Вёл, обходя Урал и Волгу,
 Хоть их никак не обогнуть...
 Во временах-пространствах долгий —
 Единственно возможный путь!

И мысль одна терзала сердце,
 Ведомым вовсе не в укор, —
 Как миновать в пути Освенцим,
 И Саласпилс, и Собибор?..

...А дальше, братья-ляхи, сами.
 Эх, ни покрышки вам, ни дна...
 «Кажись, пришли! — вздохнул Сусанин. —
 Варшава-матушка видна!..»

Мир озарён прощальной улыбкой
Ультрамарины, что целует просинь.
Кармином, охрой, киноварью пылкой
Поделится аксаковская осень.

Здесь пурпура и терракоты встреча,
Что сходятся в лесах стеной на стенку.
Но никакого нет противоречья
В прощальном буйстве красок и оттенков.

И так щедра осенняя палитра
Волшебного аксаковского слова,
Что как тут обойдёшься без пол-литра...
Дождя животворящего грибного?

Стихи, неожиданные, как дети,
Даруются поэтам свыше...
Цыц, графоманы, пыл умерьте!
Но графоманы пишут, пишут.

Пока поэт в пыли мятежном
Прикладывается к бутылке,
Они скрипят пером прилежно,
Стихи выводят из пробирки.

Отбиты премиальным налом
Мёртворождённые стишата,
Заполонившие журналы...
Обматерить — не хватит мата!

Не любят мата графоманы,
А вот поэт подчас бестактен.
И кроет словом окаянным
Натужный дактиль-птеродактиль.

Уймись, поэт! Тебя читая,
Не минешь зависти к таланту.
Не потому ль предпочитаю
Читать нетленки дилетантов?

Любви, уж если откровенно,
Мне графоманы не внушают.
Но вот зато самооценку
Весьма конкретно повышают.

Ну что же? И на том спасибо!
Стремясь к лауреатской цели,
Меня, такую неулыбу,
Они развеселить сумели.

Смеюсь над ними в полный голос
Испепеляюще игриво.
Моя надменная весёлость
Похлеще ядерного взрыва.

Ножки, ручки, щёчки и так далее...

А при мне — сварливая жена...

Евгений Семичев

Сама себя спросила нынче: «Та ли я?»

Сама себе ответила: «Не та!»

Куда-то, на хрен, подевалась талия —

Неоднозначна жизни полнота.

Клянусь себя, не ведая усталости, —

Жесток удел великих поэтесс.

Намедни обруч покрутить пыталась я —

Он еле-еле на меня залез.

Воскликнул: «Ручки, щёчки и так далее...» —

Меня увидев, Семичев-поэт.

Подлец, тактично умолчал про талию,

Как будто бы её в помине нет.

Как мать-земля я стала по экватору,

А ведь была стройна я, словно ель.

Не помогают платья-мотиваторы

Размера вожделенного икс эль.

Я на саму себя теперь — пародия.

Из зеркала глядят, мечты поправ,

Издержки моего чревоугодия

И следствие вакхических забав.

О Русь моя! Сплошная вакханалия!..

Быт заедает скудость бытия!..

Вернись ко мне, моя беглянка-талиа!

Тебя взыскует родина твоя.

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй...

Василий Тредиаковский

Распилы-откаты. Откаты-распилы.
И это, ребята, не лесоповал.
Чиновная шобла почуяла силу
И нас превратила в доходный товар.

А впрочем, стозевное чудище обло,
О коем ещё Тредьяковский писал,
Себя почитает нисколько не шоблой,
А — солью земли и началом начал.

От веку всегда при чинах и в законе.
Её не касается смутная хмарь.
Стальной ли генсек восседает на троне,
Сусально-елейный помазанник-царь.

Будь имя её не помянуто всуе.
Осыплет себя мишурою награда
И так венценосца искусно танцует,
Что сам, бедолага, порою не рад.

Забавно, что так прозаично-неброско —
Без гнева, патетики, пафосных слов —
Похожий на стёб неформала-подростка,
Звучит мой проворный стишок про воров.

Бюджет распилили проворно и ловко
И не презирая презренный металл...
Знать, самое время с державной сноровкой
В Сибири осваивать лесоповал.

МОЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Пролетая, пролетая,
Как фанера над Парижем,
Пролетарий, пролетарий,
Революция всё ближе.

На гербе орёл двуглавый,
Вырезанный из фанеры.
И ни левым, и ни правым,
Ни центристам нету веры.

Толстый поп кадилом машет,
Отгоняя дух советский.
Двадцать первый век пустяшный
Тупо занят жизнью светской.

Бесноватые уроды,
Что страну разворовали,
Про какие-то свободы
Будут мне читать морали?

Пролетарская Мадонна.
Православная аскеза.
Цвета марсала знамёна,
А над ними — Марсельеза.

Ах, зима! Столбовая боярышня!
Щеголиха, каких поискать.
Нищета поздней осени давешней
И сиротство тебе не под стать.

Жемчугами корона украшена.
Самоцветы на шее горят.
Ты носи-ка, носи — не изнашивай
Свой волшебный ношебный наряд.

Ты цари-ка, цари — не истаивай,
Всех сияньем вогнавшая в дрожь!..
Пусть под шубой твоей горностаевой
Прорастает озимая рожь.

Шей по синему млечными тучками,
Ограняй бриллианты в горсти
И холёными белыми ручками
Хрустали через реки мости.

Ах, не верю, не верю, не верю я,
Глядя сквозь кружева на окне,
Что твоя ледяная империя
Вдруг растает, как снег по весне.

Ох, неужто же, всеми заброшена,
Побредёшь по овражьям, боса,
Прикрываясь обносками роскоши
И сумой перемётной тряся?..

«О, подайте, подайте, подайте ей!» —
Усмехнётся всяк встречный ручей,
Под твоей горностаевой мантией
Всё ж дождавшийся внешних лучей.